

УДК 821.311-2
ББК 84(4Вел)
А51

David Almond
JACKDAW SUMMER

Перевела с английского
Мария Валеева

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник-иллюстратор
Вячеслав Лихачев

Иллюстрация на обложке
Светланы Ихсановой

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав.

Алмонд Д.

А51 Галчиное лето : [роман] / Дэвид Алмонд; [пер. с англ. М. Валеевой]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 256 с. — (Серия «D.A.»).

ISBN 978-5-906986-78-8

Этим летом, как и каждый год, мальчишки, Лиам и Макс, бродят по полям и лесам Нортгумберленда в поисках приключений — они давние друзья и понимают друг друга с полуслова. И им невдомек, что, шагая за галкой к заброшенному фермерскому дому, они уходят из детства. Отныне им придется решать совсем другие проблемы и искать свое место в новом, взрослом мире. Естественно, не обойдется без находок. И без потерь.

УДК 821.311-2
ББК 84(4Вел)

© David Almond, 2008
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-78-8

Посвящение следует

ТОГДА

РАЗ

Все начинается и заканчивается ножом. Я нахожу его в саду. Мы здесь вдвоем с Максом Вудсом. Балуемся и роем землю в поисках клада, как когда-то в детстве. И, как всегда, ничего, кроме камней, корней, червей и пыли. А потом, чуть ли не на поверхности — нож с деревянной рукояткой, в кожаных ножнах. Я достаю его из земли. Тусклое изогнутое лезвие, грязная рукоять, ножны почернели, ссохлись и начали гнить.

Я торжествующе смеюсь:

— Наконец-то сокровище!

— Ха! — отзывается Макс. — Просто старый садовый нож для обрезки деревьев.

— Конечно, нет! Он времен древних римлян или средневековых разбойников. Это военное оружие.

Я поднимаю его к солнцу:

— Я нарекаю тебя... Смертоносцем!

Макс фыркает себе под нос и закатывает глаза. Я втыкаю нож в землю, чтобы очистить лезвие. Вытираю его о траву. Плюю на него и размазываю грязь. Подбираю камень и пытаюсь об него наточить лезвие.

А потом птица спархивает на траву в паре метров от нас.

— Привет, ворона, — говорю я.

— Сразу видно городского. Это галка, — объясняет Макс и подражает ее крику: — Джек-джек! Джек! Джек-джек!

Галка подпрыгивает и кричит ему в ответ:

— *Джек-джек! Джек-джек!*

— Она прилетела за червяками.

— Нет. Она увидела что-то блестящее! Римское золото! Вот, смотри!

Несколько мгновений я копаю с остервенением маньяка. Я всаживаю нож в землю, втыкаю его все глубже. Но тут рука соскальзывает, и по запястью начинает течь кровь. Я кричу, потом смеюсь над собой и зажимаю пальцем маленькую ранку.

Макс снова что-то бормочет себе под нос.

— Иногда я думаю, что ты чокнутый, — говорит он.

— Иногда я и сам так думаю, — соглашаюсь я.

Мы лежим на траве и смотрим в небо. Раннее лето, почти еще весна, но солнце палит уже несколько недель. Земля затвердела от зноя, и даже трава начала сохнуть. Это лето будет самым жарким за всю историю, и, говорят, все последующие будут еще жарче. Пыль и земля коркой покрывают мои руки. На запястье они смешались с темно-красной запекшейся кровью — похоже на картину или карту.

Низколетающий реактивный самолет ревет над нами, за ним другой, третий.

— Изыдите, звери! — кричу я.

Я машу на них ножом, пока они, вспарывая небо над Адриановым валом, над часовней Святого архангела Михаила и всех ангелов, движутся на юг. Наконец самолеты скрываются из виду.

После этого рана снова начинает кровоточить. Мне нужен пластырь. Мы встаем и идем к дому.

— Это все твое, Джек! — говорю я.

Я ждал, что птица спрыгнет в яму, но нет. Она взлетает и снова приземляется на пару метров впереди, смотрит на нас, еще раз перелетает чуть дальше, приземляется и опять оглядывается.

— Знаешь, их можно приручить, — сообщает Макс.

— Да?

— Да. У нас жила одна, когда я был мальцом. Она была классной — жила на тропинке за домом, выпрашивала еду под дверью, садилась на руку. Джек-джек! Как ни странно, звали мы ее Джеком.

— Что с ней стало потом?

— Джо Болтон подстрелил. — Он изображает, будто держит ружье. — Бабах! Сказал, что она пыталась свить гнездо в его печной трубе. А я думаю, он просто хотел кого-нибудь подстрелить. Бабах!

Он размахивает руками и бежит к птице, та взлетает в небо.

— Давай! Улетай! Кыш!

В доме я нахожу пластырь. Я вытираю грязь с руки кухонным полотенцем, промакиваю кровь

и заклеиваю рану. Потом счищаю грязь с лезвия ножа. Мою его с мылом. Точу его на точилке, прибитой к кухонной стене. Прыскаю полиролем для мебели на ручку и вытираю ее. Заодно прыскаю и на ножны, сгибаю их, тру пальцами, и они тут же становятся мягче. Я улыбаюсь:

— Красота!

Продергиваю ремень в ножны, теперь нож висит у меня на поясе.

— А ты как думаешь? — спрашиваю я Макса.

— Думаю, что тебя арестуют, — отвечает он. — Это противозаконно.

Я смеюсь:

— Садовый нож? Противозаконно?

Я выправляю футболку из штанов и прячу его:

— Так нормально?

Беру хлеб, сыр и лимонад, и мы садимся на скамейку у задней двери. Галка теперь сидит на столбе у ворот.

Джек-джек! Джек-джек!

Она тычет клювом в нашу сторону, хлопает крыльями и подскакивает.

— Чего ты *хочешь*? — смеюсь я.

Джек-джек! Джек-джек!

На втором этаже жужжит принтер. Папа, как всегда, весь в работе. Мы смотрим вверх, на открытое в его комнате окно.

— Что он сейчас пишет? — спрашивает Макс.

— Не знаю. Он никому ничего не говорит, пока не закончит.

Мы жуем и слушаем.

— Странно, — говорит Макс.

Я взбалтываю лимонад, вытираю губы рукой:

— Ага. Иногда кажется, будто в доме привидение.
Давай пойдем на улицу, а?

И мы уходим из сада.

ДВА

Мы выходим на тропу, огибающую дом, потом идем по длинному, в рытвинах проселку в сторону деревни. Впереди маячит одинокий путник в красной бейсболке. На поле за деревенской школой собрались дети. Кто-то орет так, будто из него душу вынимают. Потом раздаются одобрительные вопли и взрыв смеха, и всей толпой они пускаются прочь, взбегают цепью вверх по холму, к громадному вязу.

— Хочешь, пойдём к ним? — спрашиваю я.

— Можно, — отзывается Макс.

Гордон Натрасс появляется на краю поля. Он смотрит на нас из-за ограды, потом перепрыгивает через нее и идет навстречу. В руке у него ржавая пила.

— Привет, братья! — кричит он.

«Братья!» Вечно он так говорит.

— Что замышляете, братья? Куда направляетесь, братья?

— Ничего, — говорит Макс.

— Никуда, — говорю я.

— *А ты* что замышляешь? — спрашиваю.

Он ухмыляется:

— Игры и забавы. Давайте с нами, а?

Еще один самолет ревет в вышине и улетает на восток.

— Загоните их бомбежками обратно в каменный век! — кричит Натрасс и сплевывает. — Пошли, — зовет он.

И я собираюсь пойти за ним, но Макс медлит.

— Может, позже, — говорит он.

Я смотрю на Макса. Я смотрю на Натрасса. Когда мы были маленькими, мы дружили. Однажды мы побратались на крови, порезали большие пальцы и прижали их ранами, чтобы наша кровь текла друг в друга. Я дотрагиваюсь до ножа на бедре, когда вспоминаю об этом. Но это было сто лет назад. Он начал меняться, превращаться в того Натрасса, которого мы знаем сейчас.

Он подмигивает мне.

— Ладно, брат, — говорит он. — Позже так позже. Я вас найду.

Натрасс приставляет пилу к шее и тянет ее от себя, будто собирается отпилить себе голову. Он смеется, убегает обратно в поле, и вскоре оттуда снова доносятся крики.

— Я ненавижу этого ублюдка, — заявляет Макс.

— Я тоже, — говорю я.

Мы идем мимо церкви. У церковных ворот кучей свалены цветы, наполовину сгнившие и вонючие, внутри целлофановых оберток ползают осы. Дэйв Додд стоит по грудь в свежей могиле и усиленно копает. Завидев нас, он машет лопатой.

— Сюда, ребята, идите, прилягте! — кричит он. — А я позабочусь, чтобы укрыть вас потеплее и понаряднее!

А потом Макс кричит:

— Нет, ты можешь в это поверить?!

Это снова галка — сидит на ветке тиса у нас над головами.

Джек-джек! Джек-джек!

— Не может быть, чтобы та же самая! — не верю я. — Или может?

— Похоже на то, — говорит Макс.

Она перелетает вперед, садится, снова перелетает вперед и садится. Путник впереди нас тоже останавливается. Он смотрит назад, заслонив глаза рукой. На таком расстоянии его не разглядеть. Это может быть и женщина.

— Чего ты *хочешь*? — спрашиваю я у птицы.

Макс усмехается.

— Она точно ручная, — говорит он.

Мы идем за ней, а она летит впереди. Возле «Быка» она взлетает на стену и сидит неподвижно, как будто *ждет* нас.

— Странно, — говорю я.

— Ага. Очень странно.

Пока мы стоим на месте, мимо грохочет армейский грузовик. В кузове сидят несколько солдат, немногим старше нас. Завидев нас, они улыбаются.

— Вступайте в армию, парни! — кричит один.